

Н.С. РОЗОВ. **Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности.** Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.

Первая глава новой книги Н.С. Розова открывается примечательным напоминанием: «Отсутствие прямых эмпирических данных о рождении речи и языка (“слепое пятно”) по сию пору остается фундаментальной трудностью, а в свое время стало основанием двух строгих запретов. В 1866 г. Парижское лингвистическое общество запретило выступать с докладами о происхождении языка. Тот же запрет объявило в 1873 г. Лондонское филологическое общество. Любые рассуждения по этой теме были объявлены ненаучными фантазиями, которые не должны отвлекать силы и время ученых, примерно как пустые и безнадежные попытки изобретения вечного двигателя» (с. 9). Одной из причин подобных запретов, думается, был «нас возвышающий обман» мистической формулы В. фон Гумбольдта, господствовавшей в светлейших головах исследователей того времени: «Язык не может возникнуть иначе, как сразу и вдруг». Веские аргументы прославленного ученого долгое время не встречали достойных возражений.

Так обстояли дела полтора столетия назад. Ситуация незаметно, но в конечном итоге радикально изменилась ко второй половине XX столетия. Обнаружение больших изменений, произошедших к этому времени, можно сравнить с гештальт-переключением: калейдоскоп значительного числа мелких и средних открытий в самых разных областях знания «вдруг и сразу» стал складываться в такую макро-картину, которая позволила увидеть проблему в совершенно новой перспективе. Это и случилось с темой глоттогенеза. Заметим, что мистерианское видение проблемы происхождения языка никуда не делось: оно по-прежнему влиятельно и не безосновательно, но оно перестало быть единственным игроком на поле теоретических возможностей. Книга Н.С. Розова как раз и являет собой портрет окрепшего конкурента мистерианству; портрет, набросанный карандашом, крупными штрихами, но ухватывающий наиболее характерные черты и самые сильные стороны изображенного.

В монографии дан обзор всевозможных современных гипотез, относящихся к разным периодам и аспектам проблемы глоттогенеза, отброшены сомнительные или малоинтересные версии и сделаны ставки на наиболее перспективные. Однако главное достоинство книги, на мой вкус, вовсе не в ее обзорности и даже не в авторской точке зрения на предмет (с которой,

несмотря на ее убедительность в целом, можно спорить по многим конкретным эпизодам). Самым важным мне показалось то, что автору удалось, отталкиваясь от разработок, концептуальных и терминологических находок в самых разных областях знания, «синтезировать» теоретический язык, на котором можно говорить, думать и спорить о глоттогенезе и механизмах формирования высокоуровневой психики. Можно не соглашаться с той или иной гипотезой, оспаривать методологию или интерпретацию фактов, сомневаться в выводах или же начальных посылах, но все дискуссии, касающиеся глоттогенеза, можно продуктивно вести на языке, предложенном в монографии.

Цель книги – своего рода полномасштабный мысленный эксперимент, связанный со следующим вопросом: осуществим ли проект научного объяснения глоттогенеза, которое было бы максимально согласованно с данными всевозможных научных дисциплин (археологии, палеоантропологии, палеогенетики, палеоклиматологии, палеогеографии, нейрофизиологии, психологии, социологии и др.), имеющих то или иное отношение к проблеме? И если да, то как должна выглядеть соответствующая методология?

С первого же шага подобный проект наталкивается на ряд сложностей. Нетривиальной оказывается даже задача определения отправной точки исследования, то есть описания ситуации, когда *еще нет языка*, но все условия для его возникновения уже *предположительно* наличествуют. Я сказал «предположительно» потому, что трудности анализа усугубляются еще и отсутствием прямых данных о том, как выглядели эти начальные условия. Поэтому схема Розова гипотетична в двояком отношении: а) начальные условия – это гипотетическая их реконструкция, подтверждаемая массой косвенных свидетельств, и б) сам процесс глоттогенеза – это тоже семейство гипотез.

Заметим один важный момент. В фокусе внимания – пренатальный период жизни того «существа», которое после появления его на свет стали называть «языком». Специфика предмета анализа накладывает, однако, значимые ограничения на способ прочтения и интерпретацию предлагаемого текста. Ведь по утробной стадии развития плода можно судить о многом, но далеко не обо всем. Смысловые глубины и небожримые возможности, распахнувшиеся перед творческим воображением носителей «повзрос-

левших» языков, едва ли правомерно считать «дедуцируемыми» из его пренатального состояния. Этот момент, как кажется, необходимо учитывать при изучении монографии, прежде чем вступать в горячие споры по поднятым в книге вопросам.

Итак, каковы же начальные условия? С большой долей уверенности можно утверждать, что 7 млн лет назад языка не существовало, однако существовали целые сообщества «наших» далеких предков, связанных сложными социальными порядками, эффективной коммуникативной системой (аналогичной, но не идентичной коммуникативной системе современных животных уровня горилл, бонобо и др.), обладавших потенциалом целенаправленно культивировать успешные практики, передавать их по наследству, а также упорствовать в своих пробах достичь чаемых результатов. Разумеется, одних только социальных порядков мало: нужно еще и подходящее «устройство» психики, наличие зачатков коллективной интенциональности, наличие способностей интериоризировать социальные отношения и эффективно ориентироваться в этих «овнутрененных» порядках, и многое другое.

Второй по счету (но не по важности) вопрос: выбор методологии и соответствующей объяснительной схемы. Этим определяется, что мы увидим в реконструируемом прошлом и насколько убедительны будут соответствующие выводы. Автор останавливает свой выбор на идее многоступенчатой эволюции, которая противопоставляется как континуалистскому пониманию эволюции, так и сальтационистским концепциям, предполагающим однократный качественный скачок в далеком прошлом. Есть соблазн охарактеризовать многоступенчатую эволюцию как эволюцию со встроенным в нее механизмом перманентных революций. Такая форма историчности хорошо показала себя при изучении истории самой науки; и есть серьезные основания считать, что таковой является и история человечества в целом.

Насколько я понимаю, для Н.С. Розова принципиально важно то, что каждая ступень – это разрыв «континуума», скачок от «естественного» хода вещей – к «искусственно» подгоняемой реконфигурации положения дел, забот, систем интенций. Не случайно генно-культурная коэволюция стоит в центре внимания. Человек – в силу истории своего становления, которая со временем оказывалась всё более и более управляемой им самим – существо совершенно не-естественное. Поэтому идея многоступенчатости здесь действительно представляется принципиально важным ингредиентом хорошей объясняющей теории.

Важное место в авторской концепции занимает нормативность, и как концепт, и особый феномен во всех своих исторических проявлениях. Нормативность – это над-индивидуальная

«сила», играющая одну из ключевых ролей при возникновении/актуализации сознания. Эмпирически подтверждаемая невозможность «мауглиады» получает благодаря концепту нормативности еще и теоретическое обоснование.

Буквально в двух словах обозначим то, как выглядит многомерная, итеративная схема коэволюционного развития. В результате практик по обеспечению пропитания, безопасности, мирного порядка и координации действий происходило обновление техноприродных ниш и социальных порядков. В этих новых нишах и порядках базовые потребности (безопасность, пропитание, сексуальность, статус в группе, родительство и др.) приводили к новым вызовам-угрозам, вызовам-возможностям и новым коммуникативным заботам. Обретение каждой когнитивной и языковой черты (приближающей к *Homo sapiens*) происходило в напряженных возобновляющихся интерактивных ритуалах, направленных на преодоление непонимания. При этом гоминиды делали упорные попытки переименования и угадывания значений произносимых звуков и их цепочек. Удачные находки закреплялись в психике участников через механизм интериоризации. Так для возникших коммуникативных забот складывались обеспечивающие структуры – поведенческие (речевые практики) и ментальные (речевые способности). При смене поколений происходили (через культурную трансляцию, многоуровневый отбор, механизмы культурного драйва и генно-культурной коэволюции) поступательные эволюционные изменения. Менялись анатомия (гортань, отделы мозга), психофизиология (речевая моторика, слуховое распознавание, способности сосредоточения внимания) и генные структуры (врожденные задатки к обретению речи). Как именно и почему менялись ниши, порядки, какие именно возникали новые коммуникативные заботы, через какие механизмы это приводило на каждой ступени глоттогенеза к новым речевым способностям и более сложным языковым конструкциям – этому и посвящены главы книги.

Вернемся еще раз к теме многоступенчатости и отметим один парадокс. Естественная интенция всякого исследователя заключается в желании ликвидировать все разрывы в объяснении. Однако же чем точнее и «глаже» будет описана история глоттогенеза, тем стремительнее многоступенчатое объяснение будет превращаться в континуалистское. «Идеальное объяснение» редуцирует ступенчатую концепцию к той, которую справедливо отвергает Розов. Скачки, ступени и разрывы – вещь принципиально важная, теоретически и онтологически неустраняемая. Более того, едва ли будет продуктивно мыслить эти ступени по аналогии с прохождением точек бифуркации в физике:

ведь всё бы тогда сводилось к физическим (и квази-физическим) законам и к чистой случайности, ответственной за выбор пути на развилке. Это была бы слишком наивная модель. Стало быть, вопрос о природе скачков, и, главное, о том, почему они вообще оказались возможными, остается одним из ключевых и, как кажется, недостаточно проясненных. Одно то, что автор (весьма обоснованно) вводит в игру очень солидное число дополнительных аксиом, принципов и объяснительных схематизмов, свидетельствует о проблемности указанного обстоятельства.

В рецензии бессмысленно говорить о «выводах». Задача рецензии – или привлечь читательское внимание, заранее сфокусировав его взгляд на определенных темах или проблемах, или же вежливо выразить недоумение по поводу опубликованного. Моя точка зрения недвусмысленно говорит за себя, и посему заинтересованный читатель может теперь напрямую обратиться к авторскому тексту и присоединиться к детективному расследованию одной

из самых таинственных историй, произошедших на нашей планете.

К.А. Павлов-Пинус

Павлов-Пинус Константин Александрович – Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН.

pavlov-koal@ya.ru

<https://eng.iphras.ru/page18559929.htm>

Pavlov-Pinus Konstantin A. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Senior Research Fellow in the Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-220-222